

Г.С.БАГРАЗЯН

ЛЮДИ
И
НЕБО
ЕРЕВАН

Второй том повести о жизни и творчестве Г.С. Баграмян. В двух частях. Первая часть повести — о жизни и творчестве Г.С. Баграмян. Вторая часть — о жизни и творчестве Г.С. Баграмян.

И снова перед нами ровное полотно асфальта. На этот раз едем на опытные участки Республиканского института почвоведения и агрохимии в селах Ерасхаун и Аревик, что в Октемберянском районе. Едем с директором института Грантом Петровичем Петросяном. Он рассказывает какую-то забавную историю, от души смеется.

Мой собеседник — один из тех, кто сразу располагает к себе приветливостью, откровенностью суждений, доброй шуткой, острым словом.

До блеска накатанное шоссе стремительно надвигается, ложится под колеса машины. С сердитым шипением проскакивают мимо голубые великаны — автобусы, мощные самосвалы, проносятся быстрые приземистые «Волги», юркие «Москвичи» и «Жигули».

Оживленная дорога! Люди, грузы, автомашины, повозки. Живой поток. Все это течет и течет. Без остановки, без конца, как хорошо налаженный конвейер. Конвейер-дорога несет на себе несметные богатства, какие только способна дать земля. В кузовах грузовиков трясутся полосатые арбузы, налитые соком тугие гроздья красного, густо-черного, янтарного, розового винограда, румяные и восково-желтые яблоки, кроваво-красные помидоры, овощи. Садам и виноградникам по обе стороны дороги нет конца и края. Мы находимся в самом центре мощного зеленого «циклона».

Какая еще пора года может сравниться с осенью Араратской долины — золотой, ядреной, щедрой... Араратская осень и сама похожа на отяжелевший, спелый плод. Облитые золотом стоят сады.

И вдруг чудо куда-то исчезает, словно сквозь землю проваливается. Машина замедляет бег и, валко покачиваясь на обочине дороги, сходит с асфальта. Перед нами открывается вид, от которого делается больно. Переход этот происходит так неожиданно, настолько необычно, что, грешным делом, в этом можно усмотреть какой-то дурной фокус.

Ловлю себя на том, что непонимающе озираюсь по сторонам: не виден ли была картина щедрой осени, которая недавно стояла перед глазами? А возможно, видение — это запустение?

Грустная картина. Умирающая земля. Одно слово — солончаки. Далеко вокруг, насколько хватает глаз — земли, которые навсегда вычеркнуты из понятия «культурные». И все это в центре благодатной Араратской равнины. Буквально в километре отсюда торжествует жизнь, а здесь, на громадной площади расплозились белогрязные пятна. Будто паршой поразили лицо равнины.

— Оспа земли, недуг, который требует лечения, —

так сказал о солончаках основоположник отечественного почвоведения В. В. Докучаев.

Голая, унылая равнина. Только кусты солянок и тамариска, белесых солелюбивых растений наводят на мысль о том, что и на этой почве может что-то произрастать. Может!.. Но сколько бы вы ни старались, как бы ни обрабатывали такую землю, она уже не зацветет, не обрадуется плодами. Солончаки — это смерть для всего, что растет, что тянется вверх, живет.

Засоленные почвы. Это из-за них человечество лишилось одной из самых древних цивилизаций — Месопотамии. По крайней мере — одна из причин.

Я в растерянности оглядываюсь на Гранта Петровича. Он медленно выходит вслед за мной из машины, останавливается рядом. Некоторое время мы стоим, подавленные запустением, и молча обзираем земли перед нами. Слова звучат тускло, невразумительно. Наступает молчание: долгое, тягостное.

— Вот земли, на которых мы работаем! — нарушает, наконец, молчание Грант Петрович. Сейчас он собран, сосредоточен. И уже не тот приятный собеседник, каким был минут десять назад. В нем сейчас много от хирурга, подготовившегося к сложной операции.

Вот уже 30 лет, с первых дней своей научной деятельности, Грант Петрович занимается вопросом «оживления» засоленных земель, ему, как никому другому, известно, что представляют собой солончаки Армении.

По статистике в республике солями «убито» более тридцати тысяч гектаров плодородной земли. Потеря для республики, как видите, немалая. Нетрудно прикинуть, сколько это может дать. А главное — площадь солончаков, если их не укрощать, будет постоянно возрастать.

Самыми тяжелыми видами солончаков, а число их достигает шестнадцати, считаются углекислые, т.е. содовые. Они и характерны для земель Араратской равнины. В этом случае дренаж и промывка — средства довольно малоэффективные. Кстати говоря, редко случается, чтобы метод оживления засоленных земель, проверенный практикой в одном районе страны, мог бы успешно применяться в другом. Для каждого вида солончаков надо, оказывается, применять свой, пригодный, только для данной местности метод.

И вот перед учеными-почвоведцами республики встала задача: найти рациональный способ освоения столь тяжелых солончаков. К этому шли многие, шли трудными и разными путями. Павел Сергеевич Погосов, Ашот Иванович Читчян, Рачья Тигранович Ананян, Гегам Хачатурович Агаджанян, Вергине Гарегиновна Агабабян, Арменуи Сумбатовна Рафаэлян, Грант Петрович Петросян, Каро Аветисович Оганесян — от молодого ученого до маститого академика — таков неполный список тех, кто отдал годы труда и много сил победе над солончаками. С какой только стороны не подходили к решению вопроса. Дренаж, промывка, внесение в почву самых различных химических продуктов, начиная от простейшего навоза и кончая сложными кислотами. Обращались к опыту многих ученых, как отечественных, так и зарубежных.

В наш век величайших открытий мы все ждем от науки чуда: быстрого и эффективного. Но чудес на свете не бывает. Они тем более исключены у почвоведов, которым приходится работать в громадных естественных «лабораториях», раскинувшихся на сотнях гектаров. Борьба с засолением почв — дело тонкое и очень сложное. Многочисленные и долголетние эксперименты прояснили картину. Ученые остановились на двух вариантах: кислотации почвы и агротехническом или траншейно-луночном.

Принцип первого способа — ввести в почву кислоту, освободиться от вредных солей на всю пахотную глубину (иногда эта глубина достигает метра).

Второй способ заключается в том, чтобы создать растению условия роста на первоначальный период развития. Для этого на сильно засоленной площади прокладывается траншея на определенную глубину. Потом она засыпается обычной или слабо засоленной землей.

В подготовленных таким способом траншеях или луночках и высаживается нужная сельскохозяйственная культура. Для растений создается нечто вроде «полос жизни».

Всего пятнадцать-двадцать минут пути — и перед нами предстает картина обновления, возрождения жизни на солончаках. И хотя вы подготовлены к встрече с нею, вас невольно охватывает чувство радостного удивления, я бы сказал, облегчения: снова жизнь! Сады, виноградники, бахчи.

— Наши подопытные участки, — дает пояснения Грант Петрович, — плодоносят уже несколько лет. А урожай, должен сказать, получаем неплохой. Испытываем до сорока видов сельскохозяйственных культур: плодовые, виноград, злаковые, овощные, пропашные. Урожай пшеницы у нас переваливает за тридцать центнеров с гектара. Отлично показала себя и свекла. Если взять сахаристость, то процент ее у свеклы достигает почти тридцати, а на обычном поле сахаристость не превышает и восемнадцати процентов. Хорошо идут у нас

бахчевые — арбузы, дыни, овощи. Хороший урожай дают виноградная лоза и плодовые. И еще одна любопытная деталь: здешний виноград созревает значительно раньше обычного. Работы армянских почвоведов успешно выдержали испытания не только на экспериментальных участках, но и на колхозных полях.

Словом, Институт своей деятельностью доказал практическую целесообразность освоения солончаков.

Работы в этом направлении важны не только для Армении. Специалистам это отлично известно. Ведь десять процентов всей территории нашей страны вычеркнуто из землепользования как солончаки. Опыт армянских почвоведов, несомненно, мог бы пригодиться и в других республиках, особенно в среднеазиатских, где очень высок процент засоленности земель.